

ЧУВСТВО — ПРИЗНАК ЧУДА...

С творчеством Валерия Зубарева я познакомился впервые на вечере, организованном новокузнецкой «Гренадой» в конце шестидесятых годов. Довольно бурным был этот вечер. Один за другим на эстраду выходили совсем еще юные парни, девушки и, глядя жестикулируя, читали свои стихи. Стихи были разные — посылней, послабей, но было в них нечто общее: дерзкий выходящее стремление ошеломить публику неожиданными и экстравагантными образами.

Валерий Зубарев тоже мог бы идти по пути самовыражения. Ему было что сказать. В свои двадцать с небольшим лет он успел поработать на шахте, закончить училище, отслужить в армии, получить диплом педагога. Но жизненный опыт подсказал: учиться не стоит.

В первую книжку поэта — «Говорил со мною ветер» — вошло всего двадцать с небольшим стихов. Это неприятные зарисовки из городской, сельской, рабочей жизни, наблюдения:

Не дают городку шахтерскому Поразмислять товарижки:
Едет лес, едет лес, которому
Суждено пойти в горняки.

Поэт не просто регистрирует вещи окружающей нас действительности. Главное — отношение поэта к ним, его мироощущение. Словно тайгу, которая «пошла в горняки» и не вернется больше назад, поэт признается вдруг, что в сердце обливается кровью предвидение «безупречных, безмолвных, жертвенных» деревьев. Трагедия тайги — его личная трагедия.

Помню, на читательской конференции один из присутствующих подверг критике такое стихотворение Зубарева:

Увидеть вдруг на стеклах окон
Горбарий искристой зимы.
Рвануться, как на леске окунь,
И, словно в прорубь, — бух!
Пимы
Лопочут — гуси-черноклювы
Со снегом. Призмою — слеза,
И дос — великолепней
Клюквы..

В стихотворении что ни строка

Валерий Зубарев — автор поэтических сборников «Говорил со мною ветер» и «Магнитное поле», выпущенных Кемеровским книжным издательством. Его стихи получили высокую оценку на VI Всесоюзном совещании молодых литераторов. Недавно молодой поэт принят в Союз писателей СССР.

— метафора, краски яркие, броские, говорил читатель, найдя, что это нетипично для автора. Но если приглядеться повнимательней, во многих стихах поэта можно заметить не менее яркие и смелые образы: дождя, который «грохотал, как фортепьяно»; зарю, «просвечивающей сквозь тонкую кожу восхода нагрудником снегирия»... Все это убеждает в том, что при желании поэт легко сближает далекие ассоциативные ряды. Но пользуется он своим умением очень осторожно, глубоко чувствуя то, о чем писал когда-то Вагрицкий: «Стихотворение — прототип человеческого тела. Каждая часть на месте и несет свою определенную функцию».

Образность никогда не становится для Зубарева самоцелью. Употребляет метафоры он только тогда, когда это диктуется самим замыслом стихотворения. Был замысел показать великолепие наступившей зимы — вот и появилась в стихе целая стая образов. Когда же замысел другой — иные и средства.

В первом сборнике поэта несколько особняком стихотворение «Гляжу — и словно все пригрелось». В нем описывается картина похорон.

С рожденья, с первого
Движенья
Нас жизнью щедро надела,
как будто силу притяженья
нам демонстрирует земля.

Перед нами — типичный образец лирики раздумий. В последние годы подобного рода стихи выдвинулись на одно из ведущих мест. В произведениях многих поэтов отчетливо выразилось стремление «познать все тайны бытия», их жизненную суть. «Поэзия должна стать умнее, философичней», — писал по этому поводу Межелайтис. — Ничего не поделаешь — такой век». К этому стремится Зубарев.

Лицо второй книги молодого поэта определили стихи именно такого рода. В стихотворении «Магнитное поле», давшем название сборнику, автор вспоминает о том невеселом периоде жизни, когда он «в броуновском движении желаний и брошенных дел» забыл постоянство, «терялся, толкался напрасно». Поэт оперирует всеми известными понятиями школьной физики, но они освещаются новым светом и приобретают многоплановость и глубину. В самом деле, предоставленные сами себе, мы ничего не знаем. Только в «магнитном поле» окружающих нас людей можно стать самим собой и вершить большие дела.

Удался, думается, Валерию цикл стихов о взаимоотношении природы и человека. В последнее время написано много на эту тему. Для большинства работ — хороших и не очень — характерно то, что авторы их, сочувственно относясь к природе, призывая оберегать ее, смотрят все-таки на природу, как на что-то внешнее по отношению к человеку. Для Зубарева не существует подобного противопоставления. Ведь человек и все созданное им — это тоже часть природы. Человек не может без «природы» в общепринятом смысле слова, но ведь и она:

Со мной она станет мною,
Осмыслит себя — охнет.
Уйду — за моей спиной
Ослепнет она, оглохнет.

Это об удачах поэта в области лирики раздумий. Но сказать, что он полностью овладел этим жанром, было бы неверно. Некоторые неудачи, мне кажется, вызваны болезнью творческого роста. Что ж, путь в настоящую поэзию сложен и тернист. Но то, что Валерий Зубарев уверенно шагает по этому пути, — несомненно.

В. ПИРЯЕВ.
г. Кемерово.

Валерий ЗУБАРЕВ

В минуты гневной полосы,
когда глаза твои — глаза ли? —
как две зеленые дыры,
мне молчаливо угрожали.
Когда в отдельности змеясы,
все то, что в целом так красиво,
с тобою порывая связь,
на каждой линией грозило...
Я думал, сам теряя связь
с реальностью уже туманной;
вдруг это все, соединясь,
настанет женщиной желанной.
На ты качала головой,
неуловимо усмехалась
за таинственной чертой
травой высокой колыхалась.
И чувствуя иную власть,
уже смеялась, хохотала...
И в легкой прозелени глаз
встала лукаво трепетала.
И вот, кончая угнетать,
мой конец сменял свой гнев на милость,
желанной женщиной опять
и всей Землею становилась.
И слово кружение миров,
двоя тревожность и беспечность,
под гул изменчивый ветров
несла куда-то в бесконечность...

Обостренное зрение рук
напряженно во тьму простираешь.
Но шагнешь за магический круг
костерка — и себя потеряешь.
С леденящей вселенской тоской,
беспредельность увидев воочию,
вместе с лодкой, палаткой, тайгой
постепенно становишься ночью.
То им зги в ощущениях нет.
То пучину восторга и страха
вырывает пробившийся свет
из закрученного пространства.
Где же время течет без тревог?
Где же скажете, в природе надмирность?..
Или хрустнул сухой стебелек?..
Или что-то еще надломилось?..
Или битву остывшей звезды,
и посмертно схватившейся с бездной,
отразил, словно капля воды,
бугорок под звездой железной.
Или весь из осколков огней —
жгуч и сладок губительный воздух,
осязаемый срезами пней
и зарубками на березах.

Однажды солнечным лучом
я день открою, как ключом.
Вспугну покой — и на глазах
у камня крылья отрастут, —
и гордый страх за взмахом взмах
с леском и глиной отряхнут.
Следя невиданный полет,
суглинок страстно запоет
цветами. И вспыхнут, как роса,
в их зевах нежных голоса.
...Покамест дерево и зверь
доставляют тишину,
я отомкну юную дверь
и как-то странно поману
те дни, когда сводил я счета
с врагами жизни и работы.
Когда почти послушный смерч
рука врещала, точно меч.
И даже солнечным лучом
владеть училась, как мечом.
А раньше — много до того —
я знал такое волшебство:
слепой огонь раскрепощал...
и птицу в камень превращал.